

"От скучных шабашей смертельно уставши, две ведьмы идут и беседу ведут: "Ну что ты, брат-ведьма?" — "Да вот посмотреть ба, как в городе наши живут"... Это из шутильной песенки Высоцкого. Посмотрим и мы. И в шутку, и всерьёз. В наших городах и весях вся зима — сплошной праздник. День Конституции, Новый год, Рождество, Святки, старый Новый год, Крещение, День защитника Отечества, Масленица, проводы русской зимы, женский день...

ционеры, как отдавали честь юнкерам постовые жандармы? Впрочем, шучу, шучу...

Орёл — город студентов (студенток). А ведь значит — кроме шуток — и у нас каждый празднично-каникулярный день легко мог бы расцветать разнообразными межвузовскими балами. Мне, старому плебею, то уж

время этого странного ответа зафиксировано в моём мобильном, да и свидетели есть).

После Рождества в орловском спортманеже проходили межобластные детско-юношеские соревнования по лёгкой атлетике. Команда моих земляков из города Алексеевка

лать подарки только близким и даже не помыслим одарить дальнего — хотя бы участливым взглядом. Поэтому наша жизнь с её красными днями — одно длинное "мероприятие".

...Как всё-таки сделать, чтобы наши праздники не превращались лишь в пьянку-жрачку? Ведь и душевные домашние посиделки, и посиделки в дорогих ресторациях, где выстроены ряды столиков вместо рядов клубных кресел, а так те же духота и теснота, не спасают от чревоугодных "скучных шабашей".

Ответа у меня нет. Сделать вместо одного Детского парка десять? Отдать величественное здание пенсионного фонда, замучившего нас путанными посланиями, под Дворец пожилых? Всё не то.

В парках нужны катки, прокатные пункты, раздевалки, чисто зимние аттракционы, а не просто колдобистые горки, буреющие в оттепель, кафе, крытые игротеки — всё, что нужно для трёх-четырёхчасового отдыха всей семьёй.

Во Дворце пожилых (есть ли вообще такой на свете?) нужен практически домашний и в то же время праздничный уют, да с медпунктом, с ухоженной усадьбой для прогулок, с тихими тёплыми уголками для беспешных разговоров, с машинами, доставляющими уставших домой, — нужен другой, совершенно нереальный уклад.

И всё равно тут будет казённая, и будут обделённые старики, потому что со всего города их в одно место не свезёшь. А и свезёшь — будут они сидеть "как засвтаные" (есть такое выражение про оцепеневших гостей), потому что привыкли, что о них вспоминают лишь по праздникам, и то далеко не всем.

Совершенно немислимы небольшие клубы в каждом квартале, по месту жительства — они мгновенно превратятся в забегаловки. А ведь эти клубы и могли бы силами уличкома затевать и колядки, и ряженья, и другие смешные придумки — и всё в своём родном дворе, где знают друг друга и стар и млад; а не знают, так узнают, что само по себе очень важно.

Нет, конечно, это просто фантазия. Ведь необходима совсем другая психология властей (чтоб не тянулись они к пустозвонству) и богатеёв (чтоб потянулись они к меценатству).

А самое горькое: сбудься вся эта утопия — ведь всё равно большинство народу усядется с окороком и пирогом у телевизора и, предвидя завтрашнее несварение желудка, начнёт бубнить про "ничего хорошего не показывают".

Всему обществу нашему надобно меняться — может быть, возвращаться к прежней общности шестидесятых, но уже на другом, современном уровне.

У того же Куприна есть трагичная повесть "Поединок". Там молодой офицер (кажется, бывший юнкер) прозябает со своими солдатиками в захолустье, страдает от служебной и житейской рутины. Его праздники давно ушли...

Нам с рутинной борьбой много легче. Помнить бы: праздник должен быть в душе, а не только в пузе. Тогда и придумаем вместе что-нибудь веселенькое, свежее — сердечное.

Юрий ОНОПРИЕНКО.

ПРАЗДНИЧНОЕ НЕСВАРЕНИЕ

С прошедшими и наступающими! — через неубранный сугроб кричат друг дружке встречные мужики. — Как отпраздновалось?

— Ох, беда... — скорбно отвечают друг дружке же. — Четверо суток нутро звенело, потом гудело... Утром проснёшься — ноги будто бы висят во дворе на заборе, а голова будто бы валяется на кухне в тумбочке...

У встречных кумушек воспоминания ещё черней:

— Ой, беда... Два дня по рынкам бегала, всю истолокли; потом день без продыху салаты строгала. Потом измотанные к столу сели, а по телевизору — нич-чего!

— И не говори. А мы в гости сходили, так тоже ничё хорошего. К ночи у наших мужиков головы в тумбочках, а мы с хозяйкой на мойку тарелки носим — в вечерних платьях-то!

— Ага, пропадают платья без благородиев. Балу бы нам, кума, маскараду!

Да что же это, братушки, деется-то? Жить стало, может, и не намного лучше, но веселее — уж точно. А вечерних убранных нашим дамам как некуда было надеть, так и некуда.

И сам хотел бы, напялив маску кролика или графатрудоголика, помчаться с расфуфыренной подругой в такси-экипаже прямоком на бал — но где он, этот маскарад?

Ну хорошо, не графья мы, не графья, в дворянское собрание нас не пустят, да и нет нигде сейчас таких собраний. Так ведь сколько же клубов-дворцов понаставлено, с какими нарядными подъездами и залами!

И все они аж трещат от музыки да песен; и иди туда, кто хочешь, и показывай с шеи хоть горностая.

Однако там длинные да плотные ряды кресел; сядет в них подруга и паялится на сцену, потеет в меха — наши праздники придуманы для сидячего человека, для "зрителя".

Нет, и поплясать тебе, дружок, дадут, в твоих оттаявших сапожках, и заводилу-говоруна подсунут, и массовика-затейника энергичного, чтоб ты его шары поразгадывал или в мешке вдоль сцены наперегонки с ним попрыгал. Затеи в клубах и на площадках вокруг них — и вправду на любой вкус.

Но всё это называется одним словом — мероприятия. Как ни мило, как ни радушно организаторы, всё равно знаешь, что они — отработывают. И ты со своим чрезмерным весельем и любо-

пытством в общем-то обуза. Тут видишь? — очереди и к микрофону, и к игральному автомату.

А герои купринских "Юнкеров", чьи рождественские гулянья так счастливо, на таких долгих страницах смакуются писателем, слыхом не слыхавшего мертвецкого слова "мероприятие", ни в коем случае не были обузой ни на одном из ежедневных больших званых вечеров.

Те вечера были именно званые.

Интересно, ездят ли на званые вечера наши brave военные курсанты? Ведь бесчисленные орловские студентки ничуть не хуже девиц тех благородных заведений, к которым так ответственно и с таким сладким сердцебиением отправлялся в парадном мундирчике юнкер Куприн со-товарищи.

И если ездят, то отдадут ли им приветливо честь уличные мили-

и всё равно; мне, дива ради, какой-нибудь местный олигарх выкатил бы на площадь бочку бесплатной кока-колы, как встарь помещики своим крестьянам бочки с водкой выкатывали.

Мне бы порадоваться на то, как в праздник одаривают да кормят бомжей и нищих из городской казны, якобы тоже нищей, но позволяющей блистательно и круглогодично отделять всевозможные казённые кабинеты, семинаряться, банкетировать и иметь в бюджете не одну таинственную строку под названием "особые расходы".

Славно было бы полюбоваться не на удвоение, а на снижение праздничных цен (например, в такси, которое даже и при удвоении цены не явилось на мой вызов, сделанный за два часа до Нового года; "машину по дороге перехватили", — виновато объяснила диспетчер службы 05;

Белгородской области заняла несколько первых и вторых мест. Грамоты победителям дали, а вместо медалей вручили... номер телефона одного нашего спортсменки и с извинениями сказали, что медали у него.

Тренер белгородцев, бывший мой односельчанин, при мне звонил; орловец продиктовал ему ещё номер и просил перезвонить позже, вечером, перед самым отъездом.

Так и не знаю, получили ли ребята свои простенькие, но такие им дорогие медалки. Да хоть и получили — разве их праздник не омрачён? Им так хотелось сфотографироваться на пьедестале именно с медалями на груди.

Никого не обвиняю. Сейчас речь о том, что мы даже в торжественные мгновения умудряемся напорочить. Мы привыкли де-